

БОБЫШЕВ Дмитрий Васильевич [11.4. 1936, Мариуполь] — поэт, критик-эссеист, историк лит-ры.

Отец Б.— Вячеслав Мещеряков, архитектор, умер во время блокады Ленинграда, мать — ученый-химик. Б. носит фамилию и отчество усыновившего его инженера-кораблестроителя Василия Бобышева. С 1944 Б. живет в Ленинграде, оканчивает Технологический ин-т (1959), в котором сближается с Анатолием Найманом и Евгением Рейном. Все трое подвергаются в ин-те различным идеологическим притеснениям за выпуск стенгазеты «Культура» (1956). В начале 1960-х к трим стихотворцам присоединяется Иосиф Бродский. Все четверо образуют тесный поэтический круг под крылом А. А. Ахматовой. В 1963 Ахматова посвящает Б. стих. «Пятая роза».

Подборки стихов Б. в 1960–70-е на страницах советских изд. встречаются крайне редко (единичные публикации в ж. «Юность» и «Аврора», в альм. «День поэзии» и «Молодой Ленинград»). Гораздо чаще публикует стихи Б. эмигрантская пресса. Оставив инженерную деятельность, Б. служит редактором на Ленинградском телевидении, но затем оставляет это поприще, взявшись за работу по водоочистке. В 1979, женившись на американской подданной русского происхождения, Б. уезжает в США, где некоторое время работает чертежником, а затем инженером в электронной фирме. С 1982 Б. начинает преподавательскую деятельность в Висконсинском ун-те, в 1985 переезжает в г. Урбана-Шампейн (штат Иллинойс), ведет занятия и читает лекции по русской лит-ре и русскому яз. С 1994 Б.— профессор Иллинойского ун-та.

Незадолго до эмиграции Б. в Париже вышел первый сб. его стихов «Зияния», в 1980-е он постоянный автор основной периодики Русского зарубежья: «Континент», «Вестник РХД», «Время и мы», газ. «Русская мысль» и др. Второй сб. Б., выпущенный в соавторстве с Михаилом Шемякиным, иллюстрировавшим и подготовившим изд., называется «Звери св. Антония» (Нью-Йорк, 1989).

В эмиграции самыми близкими по духу оказались для Б. поэты старшего поколения Ю. Иваск с его эстетикой «необарокко» и И. Чиннов. В эссе о последнем Б. выразил свое человеческое кредо так: «Человечеству никогда не больно, но всегда больно человеку» (Звезда. 1992. № 3). В этом высказывании заметен персоналистический уклон, пристрастие Б. к философии Н. А. Бердяева. Христианский персонализм отзывается иногда у Б. и прямой зарифмованной цитатой из

автора «Смысла творчества»: «Сказано, в конце концов, / что Творец творит творцов». Излюбленная бердяевская мысль распознается здесь без труда: если человек создан «по образу и подобию» Божьему, то главная его ипостась творческая; подобием Творца может быть — и должен быть — только творец.

Лирика Б. наиболее полно раскрывает себя в одной магистральной, скрыто пульсирующей едва ли не в каждом стих. теме: поиски смысла бытия ведут к пониманию и переживанию бытия как чуда. «Жизнь — мистический Грааль», — утверждает поэт. Но что есть чудо в поэзии? Чудо — это открытие «Небесного в земном», как названа одна из центральных вещей Б. (1965–70). «Земное» в его стихах притягивает к себе «небесное». И чем сильнее земная тяга, тем больше шансов уловить и запечатлеть в юдоли всяческих скорбей и печалей лучезарный отблеск: «До чего же она неказистая, / дверь в котельню и та же стена, / но так жарко, так, Господи, истово / и сиротски так освещена...» (1968).

Не априорное знание о Боге делает стихослагателя творцом, а поиски следов Божественного промысла в ничтожнейшем из «промышленных пейзажей». В стих. «Владислав и Нина», появившемся как отклик на смерть Нины Берберовой, героиня без колебаний названа «нулем земляным», чтобы быть удостоенной «нездешней встречи» с Владиславом Ходасевичем на небесах. Поэтическая дерзость Б. заключается в том, что он пользуется словами, дабы достичь мира «истин непроизносимых». «Небесное в земном» постигается у него «почти молчанием». Муза Б. лучше всего чувствует себя в «полумычаниях громадных, где исказился честный лик грамматик», и, как ей и подобает, ценит «обмолвки тишины».

Главная особенность «тишины» Б. заключается в том, что она наполнена и напоена страстью. Его «беззвучье» пламенно, свидетельствует о «пожаре сердца», о буйстве крови. О страсти, оправдывающей «всё». Слову отшумевшему на смену приходит «бушующая тишина».

Звучащее молчание — это то состояние, в котором пребывает Блудный сын, странствующий с непроизносимыми (некому!) истинами в душе. «Быть», по Б., это значит «противобыть». В лирике Б. обнаруживается не только магистральная тема, но и магистральный сюжет — о Блудном сыне. Лирический герой Б. «счастья не ищет», но бежит именно от счастья. А не от беды. Духовный толчок этому

побегу дан не окружающим уродством, не грубой существенностью мира, а духовным же зовом, услышанным через «вестника», каким для Б. в юности стал Рильке. Вся эмиграция Б. оказалась путешествием Блудного сына в поисках мистического Грааля.

Тяжесть дней и легкость быстротечной жизни занесли питерского стихотворца в Соединенные Штаты, в прерии, в кукурузный Иллинойс... Память о русских селениях, «откуда жизнь ушла в города по бездорожью», сильнее среди американских кампусов. Любовь Блудного сына, свободного странника — это, говоря богословским языком, апофатическая любовь, подобная любви к России Лермонтова, Блока... Лишь в грустном и бессловесном есть отблеск истины.

Это противоречивое чувство разлито в стихах Б., идет ли в них речь о России, свободе или собственной судьбе. Выразителен в этом отношении финал самого масштабного из его произведений **«Русские терцины»** (1977–81): «И ежели я не увижу боле, / как говорится, до скончанья дней / картофельное в мокрых комьях поле, / сарай, платформу в лужах и вокзал, — / ну, что ж, пускай. Предпочитаю волю. / Умру зато — свободным. Я сказал».

Возвращение Блудного сына — это всегда возвращение к архаике. Пусть даже милой сердцу и вызывающей самые возвышенные чувства, но — к архаике. В поэзии 1960–90-х Б. — ярчайший неоархаист, тяжелодумный «шишковист» среди беспечных «арзамасцев». Даже его неологизмы принципиально немодернистичны, отсылают к XVIII в., все эти «градозавры», «звездоточи», «сердцекрушенья», «взглядо-огни», «звездо-боги» и «свето-вопли»... И самого бобышевского лирического героя легко представить в обличье персонажи из XVIII в., из его **«Ксении Петербургской»**.

Изданная Б. в 2004 в Москве автобиографическая книга **«Я здесь»** вызвала в критике многочисленные, преимущественно негативные отзывы. Дискуссионным в книге является прежде всего изображение истории отношений автора с Иосифом Бродским.

Стихи Б. переведены на мн. яз., в первую очередь на английский.

Соч.: Зияния. Париж, 1979; Русские терцины и другие стихотворения. СПб., 1992; Полнота всего. СПб., 1992; Ахматова и эмиграция // Звезда. 1991. № 2; Метафоры-мутанты, или Memento mori // Звезда. 1992. № 3; Возвращение эмигрантского ковчега // Звезда. 1993. № 6; Муза Иваска // Звезда. 1995. № 2; Ангелы и силы. New York, 1997; Жар-Куст. Paris, 2003.

Лит.: Иваск Ю. Поэзия Дмитрия Бобышева // Вестник РХД. 1981. № 134; Крейд В. Бестиарий Д. Бобышева и М. Шемякина // Новый ж. Нью-Йорк, 1991. № 181; Яржембовский С. Поэзия как перевод // Звезда. 1993. № 11; Арьев А. Искресатель // Знамя. 1993. № 11.

А. Ю. Арьев

БОГДАНОВ Александр Александрович (настоящая фамилия Малиновский; псевдонимы Максимов, Рядовой, Вернер) [10(22).8.1873, г. Соколка Гродненской губ.— 7.4.1928, Москва] — прозаик, известен прежде всего как революционный деятель, философ, ученый.

Отец Б., А. А. Малиновский (1847–1923), был учителем-инспектором, а затем заведующим городским училищем в Туле. Мать происходила из мещан, из русской, как пишет Б., «мелкошляхетской» семьи. С 6 лет чтение стало одним из самых сильных увлечений Б. Тогда же, судя по его воспоминаниям, проснулись интерес к естественным наукам, рационализм и склонность к критике авторитетов вначале семейных, чуть позже — божественных (Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 18, 25–30).

Окончив Тульскую гимназию с золотой медалью, Б. поступил в МГУ, изучал естественные науки. За членство в Союзе совета землячеств в 1894 был арестован и выслан в Тулу. Занимался революционной деятельностью в качестве пропагандиста; продолжил

А. А. Богданов